

Преподавание русского языка в провинции Хэйлунцзян на рубеже XIX—XX вв.

Павел Андреевич Лапин,

кандидат исторических наук, советник по культуре Посольства России в Китае, Пекин, КНР.

E-mail: waijiao2000@mail.ru

Преподавание русского языка в империи Цин в поздний период осуществлялось с учётом практических потребностей китайских властей в выстраивании контактов с Россией. Во многом типичной была ситуация в провинции Хэйлунцзян, тогда входившей в состав китайской Маньчжурии. Провинция имела общую продолжительную границу с Россией, местные администраторы поддерживали связи с нашими приграничными представителями. Ввиду особой политической ситуации с 1900 по 1906 г. Хэйлунцзян наравне со всей Маньчжурией находилась в прямом управлении российских властей. Эти объективные причины привели к необходимости подготовки специалистов со знанием русского языка из числа китайских подданных. Наши представители в провинции оказывали местным руководителям возможное содействие в преподавании русского языка. Для россиян складывалась весьма выгодная ситуация: организаторами заведений, где учили русскому, были китайские власти, что освобождало от излишнего финансового и административного бремени, от наших же людей ожидалось командирование в школу российского преподавателя и снабжение её учебной литературой. То есть при умелом подходе образовательный процесс можно было вести в нужном для России русле. Хэйлунцзянские руководители стали одними из первых в китайских регионах направлять местных подданных в нашу страну на учёбу. И в этом деле они добились немалых успехов: за весьма непродолжительный период в лучшие вузы российской столицы было командировано максимальное (по сравнению с другими провинциями) число учащихся. История русистики в провинции Хэйлунцзян в поздние годы династии Цин, однако, оказалась весьма короткой. Несмотря на то, что регион граничил с Россией, в 1910-х гг. преподавание русского языка там на официальном уровне приостановилось ввиду активной политики японских властей и весьма нестабильной политической ситуации в самой Маньчжурии.

Ключевые слова: Цинская империя, Маньчжурия, провинция Хэйлунцзян, русский язык в Китае, преподавание русского языка, гуманитарные связи.

**Teaching Russian in the Heilongjiang Province
at the End of the Nineteenth Century –
at the Beginning of the Twentieth Century.**

Pavel Lapin, Russian Embassy in China, Beijing, PRC.

E-mail: wajiao2000@mail.ru.

Teaching Russian during the late Qing Dynasty was organized in accordance with the needs of Chinese authorities to establish contacts with Russia. The situation in the Heilongjiang Province, which was a part of the region of Manchuria during the Qing dynasty, was very typical. The Heilongjiang Province had a long common border with Russia, and local authorities maintained contacts with Russian border representatives. Taking into consideration the particular political situation, Russia had direct control on this province as well as entire Manchuria from 1900 to 1906. These objective reasons led to the necessity of teaching the Russian language to Chinese specialists. Our authorities provided possible assistance to the Heilongjiang officials in teaching the Russian language. Russian representatives had a quite beneficial situation: Russian language schools were organized by the Chinese government that disburdened our representatives from superfluous financial and administrative load. At the same time, the Russian side sent teachers from Russia to teach in these schools and provided them with school books. So, with an efficient approach the educational process could have been conducted in the desired direction for Russia. The Heilongjiang executives were the first who began to send local students to study in Russia. They achieved success as, in comparison to other provinces, the maximum number of students were sent to the best universities of the Russian capital in a short time. However, the history of the studies of the Russian language in the Heilongjiang Province during the late Qing Dynasty was quite short. In spite of the fact that this region had a common border with Russia, teaching Russian was stopped in the 1910^s due to the active policy of Japan and the unstable political situation in Manchuria.

Keywords: Qing Empire, Manchuria, Heilongjiang province, Russian language in China, Russian language teaching, humanitarian ties.

Преподавание русского языка в Цинской империи было обусловлено практическими потребностями китайских властей в подготовке кадров, владевших нашим языком и обладавших общими знаниями о России. Наличие таких людей представлялось особо актуальным в местах сопряжения границы двух империй — районах наиболее активных военно-политических и торгово-экономических контактов. Во многом типичной являлась ситуация с организацией обучения русскому языку в приграничной с Россией пров. Хэйлунцзян, во время династии Цин наравне с другими провинциями Северо-Востока империи входившей в Маньчжурию.

Несмотря на то, что инициаторами создания таких учебных заведений в Хэйлунцзян были китайские власти, эффективная деятельность образовательных центров во многом зависела от содействия находившихся там

наших представителей, которые комплектовали школы российскими педагогическими кадрами и разрабатывали учебные программы.

Целями исследования, в этой связи, являются анализ причин подготовки среди местных подданных людей со знанием русского языка, изучение хода создания и особенностей функционирования соответствующей образовательной инфраструктуры, а также роли российских представителей в этом важном гуманитарном процессе.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПО ПРЕПОДАВАНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН

Пров. Хэйлунцзян (также именовалась Цицикарская провинция) являлась наиболее крупным по площади административным образованием в составе Маньчжурии во время династии Цин¹. Центральным городом провинции был Цицикар, основанный ещё в конце XVII в. «как оборонительный пункт Северной Маньчжурии» [5, с. 298]². Северная часть провинции через р. Амур граничила с Российской империей — Амурской областью, — поддерживая контакты с г. Благовещенском.

В истории двусторонних военно-дипломатических связей пров. Хэйлунцзян занимала особое место. Вследствие активных геополитических процессов на Дальнем Востоке в ней, равно как и во всей Маньчжурии, на непродолжительное время было введено внешнее российское управление. В 1900 г. Китайскую империю захлестнуло крестьянское восстание «ихэтуаней», выступавшее против иностранного присутствия. Цинский двор решил воспользоваться народными волнениями в интересах укрепления своих довольно слабых позиций в контактах с иностранцами: в июне 1900 г. вдовствующая императрица Цыси объявила войну иностранным державам, в том числе и России, направив в помощь восставшим китайские регулярные войска. В июле с хэйлунцзянских пограничных постов были обстреляны российские корабли и проведена бомбардировка Благовещенска.

С целью защиты своих интересов в прилегавшей Маньчжурии наша страна начала военные действия. Первыми русские войска вступили в пров. Хэйлунцзян и к августу заняли Цицикар, а к концу лета — всю Маньчжурию. Центральные власти в Санкт-Петербурге не ставили перед собой задачу отторгнуть этот район от Китая и по подписанному в 1902 г.

¹ В Маньчжурию также входили пров. Гири (совр. Цзилинь, 吉林) и Фэньтяньская провинция (совр. Ляонин, 辽宁). При этом Хэйлунцзян по своему политическому статусу занимала ведущее место, так как там находилась ставка военного губернатора. Подробнее см.: [8, с. 45—66].

² Несмотря на то, что это был центральный город провинции, по свидетельствам современников, Цицикар представлял «собой незначительный город общекитайского типа. Грязный, с узкими кривыми улицами... и на первый взгляд довольно бедный», обнесённый «глинобитной стеной» [7, с. 45].

между двумя империями соглашению относительно Маньчжурии обязывались вывести свои войска, в частности из пров. Хэйлунцзян, через полтора года [9, с. 91]. Однако полный вывод российских военных соединений был осуществлён лишь после Русско-японской войны 1904—1905 гг. Китайский двор восстановил свой суверенитет над пров. Хэйлунцзян к 1906 г., вскоре после чего там начались административные реформы³.

Установление временного прямого военно-административного контроля над Маньчжурией содействовало развитию в этом районе военно-дипломатических и торгово-экономических процессов.

С учётом двусторонних договорённостей ещё в 1897 г. Россия приступила к строительству в Маньчжурии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В 1903 г. магистраль была полностью готова, она соединила по кратчайшему маршруту Владивосток с Читой. Это стало важным стратегическим шагом российских центральных властей: появилась возможность «решения военных, экономических и политических задач». Был создан «наиболее короткий рельсовый путь между европейской частью России и Дальним Востоком», в связи с чем «расширился торговый обмен с Китаем», начали развиваться «промышленность, сельское хозяйство и на русском Дальнем Востоке, и в Маньчжурии» [4, с. 132]⁴.

В связи с активным освоением Маньчжурии российские власти укрепляли там свои военно-политические институты. Ещё весной 1896 г. при генерал-губернаторе Амурской области была учреждена специальная должность пограничного комиссара области, через которого шло всё общение с властями Маньчжурии, включая пров. Хэйлунцзян⁵. В 1900 г. началось назначение военных комиссаров во всех трёх провинциях Маньчжурии: в Хэйлунцзян (Цицикар) в 1900 г. был направлен полковник М.А. Соковнин, которого в 1902 г. сменил полковник А.Ф. Богданов. Вместе с чиновниками по военной части с 1901 г. в эту провинцию также посылались дипломатический агент (с лета 1901 г. на этой должности числился Н.Н. Кротков, в 1902 г. его сменил Н.В. Богоявленский, а того в 1903 г. — Н.М. Поппе)⁶. В 1908 г. в Цицикаре учредили российское консульство.

Совершенно естественно, что при таких плотных контактах приграничных администраций России и Китая, а также активной переписке между

³ Подробнее об этом см.: [10, с. 26—54].

⁴ Особый рост двусторонней торговли пришёлся на период после завершения Русско-японской войны, когда КВЖД была передана под хозяйственные нужды региона и перестала использоваться исключительно в военных целях. Если в том же 1906 г. объём приграничной торговли составлял всего 57,4 млн руб., то к 1908 г. он вырос до 124,3 млн руб. [12, с. 130].

⁵ У пограничного комиссара было двойное подчинение: по военным вопросам он докладывал военному губернатору области, по дипломатическим — генерал-губернатору области. В круг обязанностей пограничного комиссара входил сбор сведений о приграничной территории Китая, «административном устройстве, вооружённых силах, путях сообщения, урожаях, способах доставки товаров» [6, с. 105].

⁶ О кадровых назначениях в Маньчжурии и пров. Хэйлунцзян в первые годы XX в. см.: [1, с. 422].

нашими и местными властями в Цицикаре довольно скоро встал вопрос о необходимости подготовки квалифицированных переводчиков русского. Ещё в 1901 г. Н.Н. Кротков предлагал хэйлунцзянскому военному губернатору подумать о создании школы русского языка для «упрочнения добрых русско-китайских отношений в амурских провинциях». Местная администрация обещала изучить предложение, но каких-либо действий не предпринимала [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 10 об.].

Ситуация начала меняться лишь в 1902 г., после назначения в Цицикар дипломатическим агентом Н.В. Богоявленского. Чиновник распорядился, чтобы вся корреспонденция, которую наши власти направляли китайской стороне, изготавливалась исключительно на русском, без аннотированного перевода на китайский, как это было ранее. Практику снабжения своих бумаг переводом россияне отменили преднамеренно, в связи с тем, что у них «не было хороших переводчиков с русского на китайский», а из-за неточного перевода «сразу же начали возникать серьёзные недоразумения, портившие отношения». При получении российских бумаг китайские власти за основу брали не русский оригинал документа, а его неофициальный перевод [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 2—2 об.].

Китайские переводчики русского языка, судя по всему, также имели весьма посредственную подготовку. «Видя, что тут какое-то недоразумение, но по незнакомству с китайским языком, не зная, в чём именно дело, комиссар (пограничный комиссар А.Ф. Богданов. — П.Л.) обратился ко мне, — вспоминал Н.В. Богоявленский. — Ознакомившись с перепиской, я нашёл, что <...> переводчик комиссара — китаец или умышленно, или уже по не знанию русского языка бумаги комиссара переводил на китайский язык неправильно, так что китайцы и не могли понять, чего хочет комиссар» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 3 об.]⁷.

В вопросах подготовки своих переводчиков в Цицикаре наши власти исходили из перспектив российского присутствия в регионе. Прогнозировать ситуацию после вывода войск было сложно, поэтому от идеи создания в том районе русских учебных заведений по подготовке переводчиков Санкт-Петербург отказался. «При открытии в нём (Цицикаре. — П.Л.) помянутой школы, — писал в ответном послании в МИД российский посланник в Пекине Д.Д. Покотилев о перспективах учреждения в Цицикаре школы военных толмачей, — у нас оказалось бы по окончании эвакуации Маньчжурии обучающимися в китайском городе сто нижних чинов, что повлекло бы, без сомнения, к протесту со стороны китайских властей и к необходимости перевести школу в другое место» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 260. Л. 2 об.].

⁷ Китайские переводчики русского языка, работавшие на КВЖД, и вовсе слыли авантюристами и простыми обманщиками, которые с лёгкостью пользовались незнанием нашими представителями китайского языка в корыстных целях, проделывая «под рукой свои тёмные делишки с железнодорожными подрядами, поддерживали разные игорные притоны и пр.». Цитата дана по работе В.Г. Дацышена: [3, с. 43].

Понимая принципиальную позицию российских властей и отсутствие каких-либо перспектив по самостоятельной организации качественного перевода корреспонденции⁸, «цзяньцзюню (военный губернатор. — П.Л.) поневоле пришлось принять наш (агента Н.В. Богоявленского. — П.Л.) с комиссаром совет относительно устройства в Цицикаре школы русского языка для приготовления переводчиков» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 4].

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН

В сентябре 1902 г. решением военного губернатора Сабао (萨保) была открыта Цицикарская школа русского языка «Синсюэ» (俄文兴学学堂; досл.: «Школа русского языка „Расцвет учения“») [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 11]⁹. Местное руководство, видимо, весьма гордилось ею, так как в китайских документах того времени она ещё именовалась «Университетом русского языка» (俄文大学) [24, с. 193]. Первые несколько месяцев после открытия учебное заведение работало в тестовом режиме, и лишь в январе 1903 г. Сабао направил ко двору доклад «Об учреждении на основе прежних уставов Школы русского языка» (кит.: 为按照旧章筹办俄文学堂折), в котором попросил вдовствующую императрицу Цыси дать согласие на работу школы. Прошение чиновника было удовлетворено [19, с. 77].

Расположилось учебное заведение в западной части города, недалеко от здания Русско-китайского банка. Целью Цицикарской школы русского языка была «подготовка хороших переводчиков русского языка из китайцев, в которых до сего времени ощущается крайняя необходимость,

⁸ Местные власти изучали вопрос приглашения переводчиков русского языка из других провинций, но «достать из других мест за дешёвую плату» оказалось невозможным [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 4].

⁹ Справедливости ради стоит сказать, что это был уже не первый опыт местных властей по организации преподавания русского языка в провинции. В китайских документах встречаются отрывочные упоминания об открытии в 1896 г. в Цицикаре некоего класса по изучению русского языка (俄文学堂), в котором обучалось порядка 10 детей военнослужащих. На должность преподавателя русского языка был приглашён выпускник русского отделения пекинской Школы иностранных языков «Тунэвньгуань» Жуй Ань (瑞安), он в своей деятельности, судя по всему, добился неплохих результатов. По итогам выпускных экзаменов в 1899 г. «учащиеся могли уверенно изъясняться на русском языке, чётко переводить тексты с китайского языка на русский» [21, с. 484]. По неизвестным причинам в 1899 г. класс был распущен, а наставник — премирован за хорошую работу [ПИА КНР. 03-7210-059. Л. 1—2]. Предположительно, выпускники именно этого класса служили при ставке цзяньцзюня и, насколько это было возможно с учётом их знаний, обеспечивали перевод российско-китайской корреспонденции до открытия Цицикарской школы русского языка «Синсюэ».

как в китайских ямэнях¹⁰, так и в русских учреждениях» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 11]. Нормативный срок обучения в учебном заведении был установлен в пять лет¹¹.

Ученики в количестве 25 чел. от 10 до 25 лет были набраны из числа детей местных служивых «восьмизнаменных войск» маньчжурской армии [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 4—4 об.]. Администрация школы уделяла первостепенное внимание качеству обучения и воспитанию хороших специалистов. В учебном заведении было выделено на всех курсах всего 35 мест, однако его руководители при организации образовательного процесса придерживались идеи «уменьшить число их (учащихся. — П.Л.), чем обучать многих, но с малыми способностями». С целью поддержания общей дисциплины слушателям запрещалось «вступать в брак или поступать на службу под опасением денежного штрафа» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 11 об. — 12]. Несмотря на ограничения, школа пользовалась популярностью: в 1906 г. там числилось 36 учащихся, больше первоначально утверждённой квоты, а в 1907 г. в заведении одновременно обучался 31 чел. [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 11; 25, с. 469].

Уставными документами предусматривалось, что выпускники Цицикарской школы русского языка имели право поступать в Пекинский университет. Это обстоятельство позволяет говорить о довольно высоком статусе заведения в системе местного образования. С учётом реформ системы образования, проведённых в Китае в 1902—1904 гг., заведение примерно соответствовало уровню школы высшего разряда или высшей школы специальных знаний (к этой категории учебных заведений относились все школы перевода). Выпускников, которые предпочитали поступать на службу, направляли на низшие канцелярские и переводческие должности в пров. Хэйлунцзян, и «только с особого разрешения» они могли «поступать на службу в другие провинции», что было логично с точки зрения формирования в пров. Хэйлунцзян кадрового резерва русистов [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 11 об.].

С учётом задач школы основное внимание уделялось преподаванию русского языка. Слушатели изучали его устные и письменные аспекты, им прививались навыки перевода с китайского на русский и обратно, на всех курсах практиковались «беседы из окружающей жизни» или «разговоры из школьной жизни» на русском языке. Начиная с третьего года, слушатели довольно основательно изучали русскую грамматику¹². В течение всего периода предусматривалось чтение общепознавательных книг на русском. Кроме русского языка, преподавались основы арифметики.

¹⁰ Ямэнь (кит. 衙门), досл.: «приказ». Общее название для государственных учреждений в монархическом Китае.

¹¹ По данным китайской историографии, срок обучения составлял три года [25, с. 469].

¹² В частности, предполагалось изучить «имя существительное, деление по родам, числам, падежи и склонение, имя собственное и нарицательное; имя прилагательное, родовые окончания, склонение и степени сравнения; числительное количественное и порядковое, склонение и правописание числительных; глагол, времена глаголов, числа, спряжение; местоимение» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 13].

Для обучения русскому в школе применялась российская учебная литература¹³: основным пособием на младших курсах являлся учебник И.И. Девиса «Родной мир», который позволял познакомиться с азбукой, овладеть техникой чтения и письмом¹⁴. На старших (с третьего года обучения) — первый том тогда широко известного учебника «Почин»¹⁵, составленного старшим преподавателем пекинской Школы русского языка при КВЖД Я.Я. Брандтом¹⁶.

В школу были приглашены китайский и российский учителя. В качестве наставника китайского с момента открытия школы числился некий уроженец уезда Фошань (совр. г. Фошань) пров. Шаньдун Лю Сюйхэ (柳旭和), которому было установлено жалованье в размере 500 лян серебра¹⁷ в год¹⁸. Для преподавания русского из России специально командировали выпускника Казанской учительской семинарии, некоего И.Е. Шафирова. При отправке в командировку Министерство просвещения сохранило за ним права российской государственной службы, зачислив на должность сверхштатного преподавателя Хабаровского городского училища. При исполнении своих обязанностей И.Е. Шафиров снискал уважение российских представителей: «отлично подготовлен к делу и ведёт его очень хорошо», — характеризовал учителя дипломат Н.В. Богоявленский в своей депеше директору Азиатского департамента МИД Н.Г. Гартвигу [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 4 об.]. Россиянину установили жалованье в 1,8 тыс. руб. в год (1,2 тыс. лян серебра) [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 11]¹⁹.

В административном смысле школа была довольно серьёзно усилена. Директором назначили руководителя дипломатической канцелярии цзяньцзюня Хуан Чжияо (黄志尧), а его помощника — Жуй Цин (瑞庆) — заместителем директора [19, с. 77]. В круг их обязанностей входили «хозяйственная

¹³ Использование иностранной учебной литературы в хэйлунцзянских учебных заведениях за неимением своих материалов только поощрялось. «Временно можно пользоваться иностранными учебниками... поскольку они не заключают каких-либо вредных учений», — указывалось в материалах по реализации реформы системы образования в провинции [ТОКМ ФПИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 97. Л. 10].

¹⁴ Родной мир: книга для обучения русскому языку в инородческих училищах. Рига: К.Г. Зихман, 1901—1904. Ч. 1—3.

¹⁵ Почин. Опыт учебной хрестоматии для преподавания русского языка в начальных китайских школах: в 3 ч. / сост. Я. Брандт. Пекин, 1906. Ч. 3. Отд. 1.

¹⁶ Подробнее о подготовленной Я.Я. Брандтом учебной литературе для китайских учащихся см.: [2, с. 546—547].

¹⁷ Серебряный лян (кит. *иньян*, 銀兩) — мерный слиток серебра, в качестве денежного инструмента просуществовал в Китае более 1,7 тыс. лет. Вес 1 ляна варьировался от 36 до 37,68 г, при этом использовавшийся в международных расчётах так называемый таможенный лян весил 37,68 г.

¹⁸ Практика приглашения преподавателей китайской словесности из других провинций была тогда распространённым явлением. Так, за непродолжительный период с 1906 по 1913 г. в хэйлунцзянские учебные заведения были зачислены около 100 учителей из близлежащих провинций, а также из Пекина, Тяньцзиня и Шанхая [15, с. 242].

¹⁹ По данным отечественной экономической литературы, курс 1 таможенного ляна в начале XX в. соответствовал 1,30—1,50 российского руб. [11, приложение II, с. II].

часть школы, надзор за преподаванием китайского языка и общее наблюдение за школой» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 11]. Попечителями учебного заведения по просьбе местной администрации выступали российский военный комиссар в Цицикаре и дипломатический агент. Они курировали работу по составлению программы занятий, а также обеспечивали проведение экзаменов [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 11].

Для школы было предусмотрено неплохое финансирование. В год открытия ей выделили 3430 лянов серебра, а в последующие годы планировалось перечислять по 2900 лянов, «из каковой суммы 2400 лянов назначены на покрытие расходов русского отдела школы» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 11 об.]²⁰. Основные средства предоставляла местная администрация, частично расходы покрывали и российские старатели, которые занимались добычей золота на границе. После бесед дипломата Н.Н. Кроткова со старшими цехов россияне согласились «выдавать ежегодно 3% с чистой прибыли на усиление средств школы» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 16].

Внимательное отношение к учебному заведению со стороны хэйлунцзянской администрации и наших представителей обеспечивало высокий уровень успеваемости учащихся. Уже через семь месяцев, по заверениям Н.М. Поппе, они «довольно бегло читают, рассказывают прочитанное и недурно объясняются по-русски» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 4 об.]. В июне 1904 г. в школе состоялись экзамены, для организации и проведения которых была сформирована экзаменационная комиссия, возглавляемая военным губернатором провинции и включавшая российского военного комиссара и дипломатического агента. В отчётном документе в МИД российский дипломат Н.М. Поппе считал «долгом засвидетельствовать отличные успехи обучаемых в школе молодых китайцев», сообщал, что цзяньцзюнь «ученикам, оказавшим наибольшие успехи в изучении русского языка и по другим предметам... велел раздать награды, а список имён их... был вывешен на всех городских воротах» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 12].

Деятельность российских властей в Цицикаре в деле популяризации русского языка и культуры была высоко оценена в Санкт-Петербурге. Об успехах школы МИД счёл нужным доложить Николаю II, который 25 сентября 1904 г. поставил резолюцию на докладе внешнеполитического ведомства: «Следует непременно продолжать это полезное дело» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 258. Л. 16].

Видимо, активные контакты с российскими властями и неплохие профессиональные перспективы повышали интерес местных подданных

²⁰ Указанные объёмы финансирования были в целом сопоставимы с теми средствами, которые местные администрации выделяли для работы школ русского языка в провинциях Китая. В столичном регионе эти суммы являлись заметно больше. Например, на деятельность открывшегося на базе Училища русского языка в Тяньцзине в 1897 г. отделения горных наук местная администрация ассигновала 6 тыс. лянов серебра [ПИА КНР. 04-01-35-1038-048. Л. 1—2]. А на работу пекинской Школы русского языка при КВЖД в 1903 г. было предусмотрено и вовсе 25 тыс. лянов [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 190].

к школе. Ожидалось, что в будущем количество учащихся должно увеличиться, и обсуждался вопрос расширения помещений учебного заведения. Однако после вывода российских войск из Хэйлунцзяна и общего оттока россиян из провинции представление местного руководства относительно Цицикарской школы русского языка изменилось. Потребность в подготовке большого числа переводчиков отпала (как указывалось, в 1907 г. там обучался 31 слушатель), и содействовать развитию школы уже никто не стремился. Более того, довольно скоро встал вопрос о целесообразности её существования в принципе. Уже в апреле 1907 г. посланник в Пекине Д.Д. Покотиллов секретной депешей информировал МИД, что он в связи с предполагаемым закрытием учебного заведения в Цицикаре запланировал направление туда Я.Я. Брандта, занимавшегося тогда инспекцией китайских школ, где обучали русскому, с целью «ограждения дела преподавания русского языка от посягательств со стороны китайцев» [АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 69].

Но, видимо, установка местного руководства на закрытие Цицикарской школы русского языка оказалась неизменной. В 1909 г. заведение было расформировано, а на его базе — учреждена Хэйшуйская средняя школа (黑水中学) [20, с. 83].

Преподавание русского в провинции велось также и по частной линии²¹. Выпускник Гиринской школы русского языка У Цзинькан (吴晋康), сопровождавший отца в поездках в Россию и другие государства Европы, по возвращении в родной уезд Хулань в пров. Хэйлунцзян (呼兰; совр. г. Хулань, пров. Хэйлунцзян) в 1910 г. решил основать там платную школу русского языка для местных подданных. В марте следующего года Отдел образования провинции (省教育司), предварительно осуществив проверку работы учебного заведения, выдал школе разрешение на осуществление образовательной деятельности [24, с. 472—473]. Дальнейшая её судьба пока остаётся неизвестной.

ОБУЧЕНИЕ ВЫХОДЦЕВ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН В РОССИИ

Хэйлунцзянские администраторы стали одними из первых региональных руководителей, которые начали командировать молодых подданных в Россию на учёбу, видя в этом хорошую возможность по подготовке высококлассных специалистов со знанием русского языка.

²¹ Надо сказать, что частное образование было довольно распространённым явлением в то время. В 1908 г., например, такие учебные заведения в провинции посещали порядка 5 тыс. чел., что лишь чуть меньше суммарного количества слушателей государственных учебных заведений современного типа (6945 чел.) [16, с. 170]. Широкое распространение частных образовательных услуг объяснялось традицией подготовки к сдаче упразднённых лишь в 1905 г. государственных экзаменов на получение учёных степеней «кэцзюй», которая осуществлялась в частных конфуцианских школах «шюань» (书院).

В 1906 г. военный губернатор провинции Чэн Дэцюань (程德全) направил в Пекин обстоятельный доклад, в котором сообщал, что «разные провинции командируют студентов за рубеж — кого-то в Японию или США, кого-то в Англию или Францию, лишь только в Россию почти никого не направляют²². Россия от внутренних земель [Китая] отстоит далеко, о контактах ничего не известно... Провинция Хэйлунцзян имеет общую границу [с Россией] и поддерживает тесные связи, в будущем будут осуществляться поставки грузов по железной дороге между двумя государствами. Если тщательно не изучать политику России и её устои, как же можно будет эффективно обеспечить спокойствие внутри [провинции] путём заимствования внешнего [опыта]?» [ПИА КНР. 04-01-38-0204-039. Л. 3—4]. Чиновник предлагал из учащихся Цицикарской школы русского языка отобрать семь наиболее успешных и отправить в Россию на учёбу за счёт местной казны [ПИА КНР. 04-01-38-0204-039. Л. 4]. Столичные власти рассмотрели доклад и дали согласие на организацию поездки учащихся в Россию.

Так, в апреле 1906 г. в Санкт-Петербург были командированы первые девять китайских студентов — выходцев пров. Хэйлунцзян²³, в 1907 г. туда же выехали ещё двое. Самым младшим из них — неким Ван Цзювэню (王佐文) и Чжу Шаояну (朱绍阳) — было по 22 года, самому старшему — Лю Вэню (刘雯) — 33 года. Почти все они имели неплохую подготовку по русскому языку: большая их часть училась в Цицикарской школе русского языка, некоторые окончили школы русского языка в таких городах, как Гири и Тяньцзинь, один студент был выпускником Бэйянского военно-патрульного училища [17, с. 660—661; 19, с. 78; 22, с. 21]. Некоторые подданные провинции также направлялись в Россию на учёбу за свой счёт²⁴.

Вообще стоит сказать, что, начиная с отправки в 1895 г. в Россию на обучение первых китайских подданных и до 1911 г., из пров. Хэйлунцзян в наше государство выехало наибольшее число учащихся, по сравнению с другими провинциями, — 11 чел. (всего из регионов командировали 20 китайцев) [27, с. 202]. Вместе с тем это только официальные данные,

²² Первые китайские студенты были командированы в Россию в 1895 г., в 1896 г. их зачислили на обучение в Петербургский учительский институт.

²³ К предложенным кандидатурам губернатора местное руководство также добавило двоих молодых людей, видимо, работавших в местном аппарате, — неким Тан Баошу (唐宝书), выходца пров. Гуандун, и Ван Чжунсяна (王忠相), местного жителя [19, с. 78].

²⁴ Так, в том же 1906 г. на учёбу в российскую столицу (Петербургский практический институт) был командирован сын губернатора Чэн Дэцюаня — Чэн Шимо (程世模) [19, с. 78]. В Россию выезжали не только китайские подданные: ещё до отправки первой группы учащихся из пров. Хэйлунцзян в «ранние годы в Россию для изучения языка и письма выехал некий монгол *Фухай* (имя даётся в китайской транскрипции. — П.Л.)» [ПИА КНР. 04-01-12-0649-091. Л. 1].

подтверждённые документами, не исключено, что китайских командированных студентов из пров. Хэйлунцзян было больше²⁵.

В период обучения в России учащимся выплачивалась стипендия в размере 120 руб., позже (видимо, с 1907 г.) она возросла до 165 руб. [24, с. 473]. В соответствии с учебным планом студенты в России сначала занимались на годичных подготовительных курсах, изучали русский язык, потом их определяли в общеобразовательную школу на три года, и только после этого они зачислялись в один из вузов [28, с. 264]. Всех их направили на учёбу в Санкт-Петербург, где большинство впоследствии поступило в Санкт-Петербургский университет (факультеты юриспруденции, сельского хозяйства и математическо-механический). По одному студенту обучалось в Горном институте имени Екатерины II и Петербургском практическом институте [17, с. 660—661]. В ходе командировки некоторые учащиеся выезжали в другие европейские государства в ознакомительные поездки [18, с. 9].

К 1914—1915 гг. все ранее отправленные по государственной линии в Россию из пров. Хэйлунцзян студенты успешно завершили обучение и вернулись на родину. Они начали строить свою профессиональную карьеру, в том числе на дипломатическом²⁶, государственно-административном²⁷ направлениях, кто-то поступил на новые производства²⁸.

* * *

Такова история подготовки русистов в главной провинции Маньчжурии — Хэйлунцзян — в поздние годы династии Цин. Несмотря на то, что провинция имела общую протяжённую границу с Россией и местные администраторы поддерживали плотные контакты с нашими пограничными властями, подготовка русистов в этом регионе начала вестись с 1898 г., а на плановой основе — лишь с 1902 г. Видно, что до этого китайские власти в контактах с россиянами больше уповали на свои мало

²⁵ Лишь в 1909 г. из этой провинции выехало в сопредельные районы России 2915 китайских подданных, 110 из которых — для длительного пребывания [26, с. 168]. В основном это были рабочие и торговцы, дети которых определялись на учёбу в российском приграничье. Видимо, с учётом этого в документах того времени указывалось: «Число людей, отправляющихся за рубеж на учёбу, постепенно растёт. Последнее время количество выехавших в Россию и Японию на учёбу людей значительно превышает количество тех, кто выехал их провинций Шаньси и Хэнань» [23, с. 1104].

²⁶ Например, Чжу Шаоян в 1920 г. был назначен генконсулом в Иркутске, в 1928 г. стал временным поверенным в делах в Финляндии, а с 1929 г. — по совместительству поверенным в делах в Советском Союзе [19, с. 79].

²⁷ Например, Шао Цзунли (邵宗礼), работавший в отделе образования (劝学所) в приграничном уезде Хэйхэ (黑河, совр. г. Хэйхэ) [24, с. 214].

²⁸ Так, отучившийся в Петербургском университете с 1906 по 1909 г. студент Чэ Жэньгун (车仁恭) по возвращении поступил на Бэйянский экспериментальный завод [13, с. 111].

квалифицированные кадры, старались пригласить русистов из других провинций или опирались на возможности российских переводчиков, уровень владения китайским языком которых также был явно невысок.

С появлением Цицикарской школы русского языка начался период профессиональной подготовки китайских русистов в пров. Хэйлунцзян. С учётом требований реформ образовательной сферы в школу был приглашён российский преподаватель, который составил обстоятельную учебную программу, по своему содержанию приравненную к уровню довузовского образования. В преподавании применялись популярные в России того времени специальные учебные пособия, развивающие различные навыки в области русского языка. Показателем высокого спроса деятельности школы стала запись в учебное заведение учащихся сверх установленной правилами нормы.

Лучшие учащиеся и выпускники Цицикарской школы были командированы за счёт местной казны на учёбу в российскую столицу, где их распределили в ведущие вузы империи. Вообще, стоит сказать, что власти провинции в вопросе подготовки кадров в России оказались наиболее успешными. Лишь за 1906—1907 гг. в Россию они направили 11 учащихся, притом что за довольно длительный период с 1896 по 1911 г. в наше государство из столицы и других провинций Китая по государственной линии выехали всего 37 студентов [27, с. 202].

Вместе с тем за столь непродолжительный период (1906—1907 гг.) местная школа была не в состоянии подготовить хоть сколько-нибудь значительное число русистов, способных эффективно обеспечивать нарастающие контакты. Судя по всему, наибольших успехов среди всех выпускников Цицикарской школы русского языка и стажёров российских учебных заведений добился Чжу Шаоян, ставший временным поверенным в делах Китая в Советском Союзе. В дальнейшем вследствие глубоких внутриполитических процессов в Маньчжурии и усиления там японского влияния значительных действий по организации преподавания русского языка местная администрация уже не предпринимала. И подобная ситуация сохранилась вплоть до 1950-х гг., когда вслед за активизацией советско-китайских отношений значительно возрос интерес к изучению русского языка, сохранившийся и по настоящее время²⁹.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Дацышен В.Г. История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX в. М.: Директ-Медиа, 2014. 593 с.
2. Дацышен В.Г. Русские китаеведы XVIII — начала XX вв.: преподаватели и составители словарей (краткий библиографический справочник) // Архив российской китаистики / ред. А.Р. Вяткин. М.: Наука, 2013. Т. I. С. 532—550.

²⁹ Подробнее см.: [14, с. 119—121].

3. Дацьшен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900. Ч. I. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб.: ИПТ, 1996. 144 с.
4. Еропкина О. Русские и китайские школы на КВЖД. 20-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 3. С. 132—138.
5. Описание Маньчжурии (с картой) / ред. Д. Позднеев. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1897. Т. I. 620 с.
6. Павлов Ю.А. Офицеры — пограничные комиссары на Дальнем Востоке (конец XIX — начало XX вв.) // Вестник ДВО РАН. 2007. № 1. С. 105—109.
7. По Дальнему Востоку. Сахалин, Уссурийская область, Маньчжурия, Корея и Япония / сост. В. Львович. М.: Издание книготорговца М.В. Клюкина, 1905. 159 с.
8. Романов Ф.П. Маньчжурия и китайская восточная железная дорога. Томск: Паровая Типо-литография П.И. Макушина, 1898. 81 с.
9. Русско-китайские отношения 1689—1916. Официальные документы. М.: Восточная литература, 1958. 142 с.
10. Спицын А. Административное устройство Маньчжурии // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 26—54.
11. Хэйлуунцзянская провинция Маньчжурии. Краткий обзор географии, путей сообщения, населения, администрации и экономического положения / сост. И.А. Добролювский. Харбин: типо-литография штаба Заамурского округа Пограничной стражи, 1906. 195 с.
12. Штейнфельд Н. Русская торговля в Маньчжурии в характеристике местного купечества // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 128—157.
13. 巴彦县志 = История уезда Баянь. Харбин: 黑龙江人民出版社, 1987. 201 с.
14. 王常颖. 黑龙江省俄语教育现状研究 = Ван Чанин. Исследования преподавания русского языка в провинции Хэйлуунцзян на современном этапе // 哈尔滨学院学报. 2005. № 3. С. 119—121.
15. 果承刚. 黑龙江兴学之处的师资队伍 = Го Чэнган. Преподавательский состав в период начала подъёма образования в провинции Хэйлуунцзян // 龙沙教育史料. Цицикар: 齐齐哈尔市政协文史资料委员会, 1995. С. 242—243.
16. 东北地方教育史 = История регионального образования на Северо-Востоке [Китая] / ред. Ци Хуншэнь. Шэньян: 辽宁大学出版社, 1992. 368 с.
17. 留学教育: 中国留学教育史料 = Образование за рубежом. Исторические материалы по китайскому образованию за рубежом / ред. Лю Чжэнь. Тайбэй: 国立编译出版社, 1980. Т. II. 986 с.
18. 龙江旧闻录 = Хроники прошлого в Лунцзяне (Хэйлуунцзян). Шанхай: 私利奎垣学校, 1914. 60 с.
19. 宁艳红. 黑龙江省百年留俄(苏)活动特点初探 = Нин Яньхун. Первичный анализ особенностей мероприятий по организации обучения в России (СССР) [представителей] провинции Хэйлуунцзян за сто лет // 西伯利亚研究. 2017. № 5. С. 77—84.
20. 幸延峰, 张玉兰. 清代黑龙江地区俄语教学状况评述 = Син Яньфэн, Чжан Юйлань. Очерк общего положения по преподаванию русского языка в районе Хэйлуунцзян в период династии Цинь // 西伯利亚研究. 2015. № 4. С. 81—83.
21. 孙子和. 清代同文馆之研究 = Сунь Цзыхэ. Исследования цинской школы иностранных языков «Гунвэньгуань». Тайбэй: 嘉新水泥公司文化基金会出版社, 1977. 578 с.
22. 郝世昌, 李亚晨. 留苏教育稿 = Хао Шичан, Ли Ячэн. Черновая [история] обучения [китайцев] в России и Советском Союзе. Харбин: 黑龙江教育出版社, 2001. 407 с.
23. 黑龙江志稿. 学校志 = Черновая история Хэйлуунцзяна. История учебных заведений. Т. II. 2-е изд. Харбин: 黑龙江人民出版社, 1992. С. 935—1873.
24. 黑龙江省教育史资料汇编 = Сборник материалов по истории образования в провинции Хэйлуунцзян / ред. Се Яньян. Харбин: 黑龙江教育出版社, 1988. Т. I. 1647 с.
25. 黑龙江省志. 教育志 = История провинции Хэйлуунцзян. История образования. Харбин: 黑龙江人民出版社, 1996. Т. 45. 983 с.

26. 清代黑龙江孤本方志四种 = Четыре редких истории [провинции] Хэйлунцзян во время династии Цин. Харбин: 黑龙江人民出版社, 1989. 549 с.
27. 张泽宇. 晚清留俄教育述论 = Чжан Цзэюй. Очерк обучения [китайцев] в России в поздние годы династии Цин // 河北学刊. 2004. № 1. С. 198—203.
28. 袁海山. 清末民初黑龙江教育纪事 = Юань Хайшань. Исторические события в области образования в Хэйлунцзяне в конце династии Цин — ранние годы Китайской Республики // 龙沙教育史料. Цицикар: 齐齐哈尔市政协文史资料委员会, 1995. С. 244—266.
29. АВП РИ (Арх. внешней политики Российской Империи).
30. ПИА КНР (Первый ист. арх. КНР).
31. ТОКМ ФПИ (Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатинова. Фонд письменных источников).

REFERENCES

1. Datsyshen V.G. *Russko-kitayskaya voyna. Man'chzhuriya 1990. Ch. I. Boevye deystviya na sukhopotnom fronte* [Russian-Chinese War. Manchuria 1990. Part 1. Combat Operations on the Land Front]. St. Petersburg, IPT Publ., 1996, 144 p. (In Russ.)
2. Datsyshen V.G. *Russkie kitaevedy XVIII — nachala XX vv.: prepodavateli i sostaviteli slovarey (kratkiy bibliograficheskiy spravochnik)* [Russian Sinologists in the 18th Century — at the Beginning of the 20th Century: Teachers and Authors of Dictionaries (Bibliography)]. *Arkhiv rossiyskoy kitaistiki* [Archive of Russian Sinology]. Ed. by A.R. Vyatkin. Moscow, Nauka Publ., 2013, vol. I, pp. 532—550. (In Russ.)
3. Datsyshen V.G. *Istoriya rossiysko-kitayskikh otnosheniy v kontse XIX — nachale XX v.* [History of Russian-Chinese Relations at the End of the 19th Century — at the Beginning of the 20th Century]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014, 593 p. (In Russ.)
4. Eropkina O. *Russkie i kitayskie shkoly na KVZhD. 20-e gody* [Russian and Chinese Schools on the Chinese Eastern Railway in the 1920^s]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2001, no. 3, pp. 132—138. (In Russ.)
5. *Opisanie Man'chzhurii (s kartoy)* [Description of Manchuria (with the Map)]. Ed. by D. Pozdneev. St. Petersburg, Tipografiya Yu.N. Erlikh Publ., 1897, vol. I, 620 p. (In Russ.)
6. Pavlov Yu.A. *Ofitsery — pgranichnye komissary na Dal'nem Vostoke (konets XIX — nachalo XX vv.)* [Officers — Border Commissars in the Far East (the End of the 19th Century — the Beginning of the 20th Century)]. *Vestnik DVO RAN*, 2007, no. 1, pp. 105—109. (In Russ.)
7. *Po Dal'nemu Vostoku. Sakhalin, Ussuriyskaya oblast', Man'chzhuriya, Koreya i Yaponiya* [Across the Far East. Sakhalin, the Ussuriysk Region, Manchuria, Korea and Japan]. Compl. by V. Lvovich. Moscow, Izdanie knigotorgovtva M.V. Klyukina Publ., 1905, 159 p. (In Russ.)
8. Romanov F.P. *Man'chzhuriya i kitayskaya vostochnaya zheleznaya doroga* [Manchuria and the Chinese Eastern Railway]. Tomsk, Parovaya Tipo-litografiya P.I. Makushina Publ., 1898, 81 p. (In Russ.)
9. *Russko-kitayskie otnosheniya 1689—1916. Ofitsial'nye dokumenty* [Russian-Chinese Relations 1689—1916. Official Documents]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1958, 142 p. (In Russ.)
10. Spitsyn A. *Administrativnoe ustroystvo Man'chzhurii* [Administrative System of Manchuria]. *Vestnik Asii*, 1909, no. 2, pp. 26—54. (In Russ.)
11. *Kheyluntszyanskaya provintsiya Man'chzhurii. Kratkiy obzor geografii, putey soobshcheniya, naseleniya, administratsii i ekonomicheskogo polozheniya* [Heilongjiang Province of Manchuria. Review of Geography, Communication Lines, Population,

- Administration and Economic Situation]. Compl. by I.A. Dobrolovsky. Harbin, tipolitografiya shtaba Zamuorskogo okruga Pogranichnoy strazhi Publ., 1906, 195 p. (In Russ.)
12. Shteynfeld N. Russkaya torgovlya v Man'chzhurii v kharakteristike mestnogo kupechestva [Russian Trade in Manchuria According to the Local Merchants]. *Vestnik Asii*, 1910, no. 3, pp. 128–157. (In Russ.)
 13. 巴彦县志 [History of Bayan district]. Harbin, 黑龙江人民出版社 Publ., 1987, 201 p. (In Chin.)
 14. 王常颖. 黑龙江省俄语教育现状研究 [Wang Changying. Current Situation of Teaching Russian in the Heilongjiang Province]. *哈尔滨学院学报*, 2005, no. 3, pp. 119–121. (In Chin.)
 15. 果承刚. 黑龙江兴学之处的师资队伍 [Guo Chenggang. Teaching Staff during the Period of Rise of Education in the Heilongjiang Province]. *龙沙教育史料*, Qiqihar, 齐齐哈尔市政协文史资料委员会 Publ., 1995, pp. 242–243. (In Chin.)
 16. 东北地方教育史 [History of Regional Education in Northeast China]. Ed. by Qi Hongshen. Shenyang, 辽宁大学出版社 Publ., 1992, 368 p. (In Chin.)
 17. 留学教育: 中国留学教育史料 [Education Abroad. Historical Materials on China's Education Abroad]. Ed. by Liu Zhen. Taipei, 国立编译出版社 Publ., 1980, vol. II, 986 p. (In Chin.)
 18. 龙江旧闻录 [Chronicles of Longjiang (Heilongjiang)]. Shanghai, 私利奎垣学校 Publ., 1914, 60 p. (In Chin.)
 19. 宁艳红. 黑龙江省百年留俄(苏)活动特点初探 [Nin Yanhong. Primary Study of the Features of the Organization of Teaching Process for the Chinese Representatives of the Heilongjiang Province in Russia (USSR) over 100 Years]. *西伯利亚研究*, 2017, no. 5, pp. 77–84. (In Chin.)
 20. 幸延峰, 张玉兰. 清代黑龙江地区俄语教学状况评述 [Xing Yanfeng, Zhang Yulan. Essay on the Situation of Teaching the Russian Language in the Heilongjiang Province during the Qing Dynasty]. *西伯利亚研究*, 2015, no. 4, pp. 81–83. (In Chin.)
 21. 孙子和. 清代同文馆之研究 [Sun Zihe. Study of the School of Foreign Languages "Tongwenguan" during the Qing Dynasty]. Taipei, 嘉新水泥公司文化基金会出版社 Publ., 1977, 578 p. (In Chin.)
 22. 郝世昌, 李亚晨. 留苏教育稿 [Hao Shichang, Li Yachen. Draft History of Teaching Chinese Students in Russia and the Soviet Union]. Harbin, 黑龙江教育出版社 Publ., 2001, 407 p. (In Chin.)
 23. 黑龙江志稿. 学校志 [Draft History of Heilongjiang. History of Schools. Vol. 2. The Second Edition]. Harbin, 黑龙江人民出版社 Publ., 1992, pp. 935–1873. (In Chin.)
 24. 黑龙江省教育史资料汇编 [Collection of Materials on the History of Education in the Heilongjiang Province]. Ed. by Xie Yanyang. Harbin, 黑龙江教育出版社 Publ., 1988, vol. I, 1647 p. (In Chin.)
 25. 黑龙江省志. 教育志 [History of the Heilongjiang Province. History of Education]. Harbin, 黑龙江人民出版社 Publ., 1996, vol. 45, 983 p. (In Chin.)
 26. 清代黑龙江孤本方志四种 [The Four Rare Stories of the Heilongjiang Province during the Qing Dynasty]. Harbin, 黑龙江人民出版社 Publ., 1989, 549 p. (In Chin.)
 27. 张泽宇. 晚清留俄教育述论 [Zhang Zeyu. Essay on the Education in Russia during the Late Qing Dynasty]. *河北学刊*, 2004, no. 1, pp. 198–203. (In Chin.)
 28. 袁海山. 清末民初黑龙江教育纪事 [Yuan Haishan. Historical Events of the History of Education in the Heilongjiang Province during the Late Qing Dynasty and the Beginning of the Chinese Republic]. *龙沙教育史料*, Qiqihar, 齐齐哈尔市政协文史资料委员会 Publ., 1995, pp. 244–266. (In Chin.)

Дата поступления в редакцию 07.08.2019